Мышление (+ воспоминания и т. д.)

Акцент

Биджуу и т. д. говорят

Биджуу и т. д. мышление

«Где Мито-чан?» — спросила Кушина, прежде чем оглядеть все диваны и стулья в кабинете мужа, словно ожидая, пока девушка выпрыгнет из-за одного из них.

Собственно, именно этим она и занималась. Зная Мито, было бы логично, если бы девушка попробовала это. Как бы серьезно ни относилась Мито к своей карьере, она все равно могла быть глупой и веселой, как и ее мать. Кроме того, Кушина никогда бы не призналась в этом вслух, но, судя по историям, которые рассказывали ей другие молодые мамы, сама мысль о том, что она будет так удивлена или слишком сильно смеется, могла вызвать утечку мочевого пузыря из-за ее беременности, была слишком неловкой. Если бы это произошло, ей пришлось бы убить всех, кто это увидел – и это было бы просто позором!

Какаши, охранник Кушины, с той ночи смог успешно уклоняться от девушки Намикадзе. Он испытал облегчение, когда Минато-сенсей сказал, что его дочь сегодня утром «бегала повсюду», потому что он просто не мог встретиться с еще одним человеком, которого он подвел. Мито, вероятно, ненавидит его за то, что он позволил Обито умереть, а затем убил Рин — и ей следует это сделать. Сознание того, что именно она провела его товарищей по команде через Лес Смерти, чтобы помочь им получить звание Чунина, вызвало у него некоторую обиду, что было совсем несправедливо.

Она сделала то, что он не смог, даже если это было всего лишь кратковременное событие…

И это также вызывает у него любопытство… Его несколько хвалили как самого молодого новобранца, когда-либо вступавшего в АНБУ, однако, похоже, что Мито тоже был в организации, и находился там в течение некоторого времени.

Исчезая в глубине комнаты и часами бескорыстно слушая, как его сенсей и его жена обсуждают различные планы, схемы совета и проекты для деревни, Какаши был уверен, что Кушина-сестрёнка всё ещё хочет быть Хокаге.

— Какаши-кун, почему бы тебе не пойти пообедать самому? женщина спросила комнату в целом. Было обидно, что ученик ее мужа так хорошо от нее прятался.

Какаши вышел из-за стены гендзюцу. «Маа, что бы вы хотели? Могу я принести что-нибудь и вам, сэнсэй?» Он не получил немедленного ответа, поскольку по лицу его сэнсэя было очевидно, что он глубоко задумался. Сенсею действительно пора перестать грызть ручки . У него всегда были чернила на лице.

Вопрос Какаши наконец дошел до Хокаге, который извинился и заверил, что Кушина не голодна. Пара взволнованно обсуждала, что отсутствие голода у Кушиной, вероятно, означает, что ребенок родится раньше, чем они ожидали. Какаши подождал, пока они закончат, и вздохнул, когда Первая Пара взволнованно хихикала. Затем они схватили друг друга за руки, как будто их скоро оторвут друг от друга, что было просто смешно, подумал он.

«Где эта девушка?! Не могу поверить, что она бросила своего любимого отца», — сказал Минато, откинувшись на спинку стула и выглянув в окно несколько минут спустя.

— Как ты думаешь, с ней все в порядке? — обеспокоенно спросила Кушина. Пара обсуждала, где может быть их прогуливающая дочь, и после долгой паузы Какаши не мог не задать один из самых простых вопросов, которые он размышлял.

«Маа, раз уж она из АНБУ, ей, наверное, будет хорошо в родной деревне, да?» Увидев «это выражение» на лице своего сенсея, он действительно задался вопросом, что происходит. Знание того, что он был единственным человеком в офисе, позволило ему продолжить расследование. «Могу ли я спросить, как долго она работает в Black Ops, сэнсэй?»

Минато настороженно улыбнулся, в то время как Кушина пристально смотрела на Йондайме, шепча проклятия и другие непонятные вещи.

Иногда Какаши задавался вопросом, не баловался ли рыжий колдовством.

— Ну, видишь ли, Какаши-кун, мне нужно было спрятать Мито-чан, как мы уже обсуждали ранее.

«Асшат подумал, что хорошее место для этого — АНБУ!» — горячо сказала Кушина, показывая большим пальцем в сторону мужа. Ее волосы начали взлетать в воздух.

«Ну-ну, Шина! Ты должен признать, что носить ее доспехи и прятать под маской — это здорово…» — начал Минато, но его прервала вспыльчивая жена.

«Она уже была в маске! Удивительно, как она вообще ее снимает!» — сердито сказала Кушина, а затем заплакала. Она с благодарностью взяла носовой платок, предложенный ей Какаши, затем прокляла ее гормоны, а затем просто продолжила тихо ругаться, в основном в адрес мужа.

— Видишь ли, Какаши-кун, как и многие молодые девушки, Мито-тян всегда хотела быть медиком на передовой, как Цунаде-химэ, — сказал Минато и снова сел в кресло, выглядя гордым, но в другом месте, скорее всего, посещая воспоминания. - предположил подросток. «С ее идеальным контролем чакры и «домашним обучением», я полагаю, можно сказать, Саннином и Сарутоби... Ну, она действительно далеко зашла», - продолжил он, но выглядел почти разочарованным, почесывая челюсть. «Она, к сожалению, была проинформирована о количестве потерь в АНБУ и настояла на этом карьерном пути. Она хотела – хочет – спасти там всех, кого сможет».

«И этот манекен подумал, что, поскольку она в любом случае была в маске, АНБУ было хорошим местом, чтобы спрятать ее», - сказала Кушина, взяв степлер Минато и швырнув его в него. Минато позволил этому ударить себя и вздохнул.

«Однако на самом деле она не АНБУ. Она может… думать, что она есть», — продолжил Минато. Ему хотелось ущипнуть Какаши за щеку; то, как Гончая АНБУ наклонила голову, как один из растерянных нинкенов мальчика, было восхитительно.

«Она в составе АНБУ , засранец!»

«Но под моим прямым контролем, Кушина. Вот в чем прелесть планов Хирузена-самы!» Было очевидно, что Кушина не согласна - и что Минато был вовлечен в планы Лорда Третьего - но ссоры пары каким-то образом растворились в нападках Кушины на сыновей ее подруги Микото. Незадолго до увольнения Какаши ему напомнили, что Мито не знала, что она « официально не состоит в АНБУ; только ее повышение до Чунина позволило ей оказаться в списке». Ему также напомнили, что это было совершенно секретно, особенно от самой девушки.

Напоминание о повышении Мито как Чунин и о команде, с которой она соревновалась на экзаменах - моей команде - отправило юного Джонина прямо к Мемориальному камню, несмотря на его голод.

Ранее этим утром...

«Орочимару-оджи!»

«УФ! Тьфу. Ужасный ребенок: кажется, ты вернулся».

«Да», — щебетала Мито и блестяще улыбнулась мужчине, который косо смотрел на нее, наливая что-то интересное, почти неоново-зеленое, в пузырек с прозрачной жидкостью. Ее отец, вероятно, убил бы или (что более вероятно) заземлил бы ее, если бы узнал, что она находится здесь, в одной из жутких подземных лабораторий своего удивительного дяди, но то, чего не знал Хокаге, не причинило бы ему вреда. «Что делаешь?»

«Хмф. Это не твоя забота, лисенок».

«Моу, Ороти-оджи такой холодный. Мне нравится твоё платье», — искренне сказала Мито. Орочимару действительно знал, как составить образ.

«Спасибо. Что ты здесь делаешь?»

«Мне было скучно», — драматично вздохнула девушка. «Очень скучно! Ты все еще хочешь однажды стать Хокаге? Потому что позволь мне сказать тебе: то, что ты делаешь, намного интереснее, чем то, что делает папа», — надулась Мито, прежде чем фыркнуть и отшатнуться от одной из открытых дверей. банки на его столе. «Я был дома больше трех дней и не думаю, что он все время спал больше 12 часов. Работа с документами! Вы можете в это поверить?! Это вредно для здоровья».

«Хм. А я думал, что это из-за отсутствия у сенсея организаторских способностей», — сказал Орочимару больше самому себе, чем той девчонке, которая ворвалась в его лабораторию — снова. Однако Змеиный Саннин мог признать, что Намиказе Минато такой же гений, как и он сам. Если Минато тоже был завален бумажной работой, это означало, что не только в бюрократии Хи-но Куни, но и в структурах отчетности деревни, поправках к уставу и, конечно же, в совете было еще больше глупых проблем, чем он знал. «Должен ли я предложить вашему бедному отцу свою помощь?»

Мито только фыркнула, продолжая гадать, что находится в его немаркированных флягах.

Орочимару ухмыльнулся, понимая, что девочка знала, что он не нравился ее отцу. Чувство было взаимным. Эти двое могут уважать друг друга как шиноби, но это все, что между ними зашло. Однако ему нравится ее непослушный комплект: его товарищам по команде много раз приходилось оставлять ее с собой.

Он готов был поспорить на то, что ее родителям ничего не расскажут.

« Кит :» его забавляло, что любимым животным девочки была лиса, а ведь ее мать так ненавидит Кьюби.

Ему бы очень хотелось иметь Кьюби в качестве домашнего животного.

Хорошо спрятанная дверь в его лабораторию снова распахнулась, заставив ответственного

человека глубоко вздохнуть. Почему он снова попросил ученика?

«Орочимару-сенсей! Эй! Кто это?!»

— Анко-тян, не груби, — сказал красиво одетый мужчина, закидывая шелковистые черные волосы за плечо. «Мито-чан, это Анко-тян, моя ученица».

«Га! Не используй мое имя, засранец!»

- Язык, маленький лисенок, - отругал Орочимару, когда его новый ученик начал безнадежно замахиваться на девушку, которая обозвала его уничижительным именем. Мито был быстр: он, его товарищи по команде и ее отец позаботились об этом. «Почему бы вам двоим не уйти и не заняться чем-нибудь... ребяческим?» Ему пришлось отвернуться, чтобы скрыть веселье, которое, как он был уверен, было выражено на его лице благодаря выражению возмущения на лице его маленького ученика и такому же лицу, которое, как он был уверен, было под маской комплекта.

Он обратился к ним после завершения своего эксперимента. «Вы двое... ужасные дети одного возраста. Я действительно думаю, что вы могли бы поладить, если бы попытались». Когда ни один из них не пошевелился, кроме одновременного отвода взгляда друг от друга, выражение его лица стало застенчивым. «Или я мог бы помочь повысить ваш иммунитет к еще одному новому яду или двум?»

«ДА», - одновременно взвизгнули обе девушки, прежде чем пристально посмотреть друг на друга.

Орочимару покачал головой, желая заткнуть уши, прежде чем у него взорвутся барабанные перепонки. Если бы только был способ сделать его невосприимчивым к воздействию девичьих криков.

Пережив введение еще одного потрясающего нового яда, Мито с гордостью пробиралась по улицам своей родной деревни, время от времени встречая любопытные взгляды проходящих мимо жителей деревни. Прекрасно зная, что она еще не была, - и снова чувствуя себя ужасно виноватой, чем ближе она приближалась к месту назначения, - она сначала направилась в цветочный магазин Яманака. Ее удивили красочные, как всегда в этом магазине, со вкусом украшенные воздушные шары, заполнившие стены и весь потолок. Женщина с темно-русыми волосами спускала воздушные шары.

Количество цветов и растений, которые магазин предлагал как шиноби, так и гражданским лицам, было почти ошеломляющим. Пытаясь вспомнить значение каждого растения и цветка, Мито начала собирать то, что ей нужно. Желтые ромашки, бегонии, олеандр... Да, они работают, правда? Она продолжала собирать по несколько стеблей голубого шалфея, душистого горошка, розовой гвоздики, эдельвейса, фиолетового и белого гиацинта, иссопа, плюща, немного ловушки и фрезии, а также самую маленькую ветку, которую смогла найти, с обилием красивых розовых цветов; она увидела там пару самых темных малиново-красных роз, и добавила их к своему большому букету цветов. Оглядевшись вокруг, она добавила немного ивы, а затем взяла пучок вербены и цинний.

Мито посмотрела на свою руку и поняла, что то, что она выбрала, выглядело как мешанина. Аранжировка цветов не была сферой деятельности ее матери или бабушки Цунаде, и Мито могла только надеяться, что она не вкладывала в свой «букет» какой-то смысл, о котором она не знала, если это можно так назвать. Обито бы рассмеялся, если бы она собиралась предложить им букет, что означало бы, что она романтически любит одного из них, а Рин

безжалостно дразнила бы ее.

Она всегда будет дорожить несколькими месяцами, проведенными с Рин, письмами между ними, которые последовали за этим, и неделями, проведенными с Обито, независимо от того, насколько плохи дела обстояли в Лесу Смерти для их импровизированной команды.

Белые лилии, как оказалось, лежали за прилавком. Все знали, что белые лилии символизируют омоложение души. Бабушка Цунаде однажды вбила это себе в голову, когда они были где-то недалеко от Амэ.

«…Они также могут символизировать чистоту, преданность делу и возрождение, паршивец, поэтому всегда бери с собой хотя бы одну белую лилию на похороны или когда посещаешь могилу. Надеюсь, твоя жизнь не будет наполнена таким количеством из тех, что были у меня».

Сколько еще людей я потеряю? Мито отмахнулась от навязчивого вопроса и продолжила идти по цветочному магазину.

Она добавила немного алоэ, потому что предполагалось, что это растение означает привязанность и горе, плюс Рин, вероятно, оценит его целебные свойства и подошла к кассе. Взгляд, которым женщина Яманака наградила свой букет цветов, был почти столь же комичным, сколь и сострадательным. АНБУ молчат – конечно, они обычно не ходят в цветочные магазины в форме, но Мито никогда об этом не говорили – поэтому она указала на белые лилии за прилавком.

«Ах! Вы хотели бы добавить белые лилии в вашу… композицию?» Женщина Яманака имела любезность заметить, что чиби АНБУ увяла, как бедный, печальный цветок, от ее слов и отношения. «Сколько тебе нужно, милый, я имею в виду АНБУ-сан. Гоменнасай!» Она быстро поклонилась, на что АНБУ ответила тем же, прежде чем ребенок поднял шесть пальцев. Яманака Аяка поморщилась, когда повернулась, чтобы выбрать шесть лилий ребенка, но повернулась и одарила ее понимающей улыбкой. «Хочешь ленточку?» Когда АНБУ энергично кивнула, она усмехнулась, взяла цветы, которые выбрал ребенок, добавила лилии, а затем связала стебли лавандовой лентой, обернутой вокруг широкой белой ленты. Она чуть не вскрикнула, когда ребенок выглянул на солнце и появился позади нее, чтобы вытащить оранжевую ленту из длинной цветовой ленточки.

«Ах, конечно», — сказала она, съеживаясь от выбора цвета. «Должен ли я добавить апельсин или… хорошо тогда». маленький АНБУ уже кивал. «Это белый, лавандовый и неоново-оранжевый!» Аяка решила, что АНБУ должна быть маленькой девочкой: она просто не могла представить мальчика, вибрирующего энергией при виде цветов, особенно обычно бесстрастного АНБУ. Заметив, что девушка показывает вверх и вокруг воздушных шаров, Аяка улыбнулась еще шире. «Вы заметили! Я только что снял знамя, прежде чем вы вошли. Совсем недавно родилась наследница нашего клана!»

Мито знала, что женщина не могла видеть, как она рада за них под маской, поэтому подпрыгивала вверх и вниз на цыпочках, чтобы дать ей понять. Поняв, что ей, вероятно, следует подарить ребенку или матери цветы, потому что там есть какая-то формальность, о которой ей очень нужно узнать, она схватила горсть ромашек и протянула женщине.

Аяка удержалась от смеха: девочка была слишком милой, несмотря на маску и доспехи. После того, как предполагаемая девушка потрясла перед ней горстью ромашек, ей показалось, что она поняла свою точку зрения. «Это для ребенка?» АНБУ снова энергично кивнул в ответ. «Большое спасибо, АНБУ-сан. Я доставлю это немедленно. Хотите оставить открытку новым

родителям?» Аяка могла только надеяться, что ребенок так и сделает: ей действительно было любопытно узнать, кто этот ребенок. Она позвонила в счет маленького ниндзя, отмахнувшись от беспокойства, что ребенок не может позволить себе все эти цветы в ее возрасте. Ради всего святого, она член АНБУ , и Аяка прекрасно знала, что они отлично зарабатывают. Ее зять Санта был одним из них.

Мито постучала по маске и задалась вопросом, что должно быть написано на карточке. Она не могла раскрыть свою личность, но, может быть, что-то общее? Она заплатила клерку, затем аккуратным мелким почерком, почти напоминавшим каллиграфию, написала на обеих сторонах открытки, прежде чем вернуть ее и отправиться на кладбище со своими новыми цветами. Аяке не понравилось то, что она прочитала на карточке, хотя она согласилась с мнением карты. это было немного... странно.

Намного позже в тот же день Минато посмотрел на ладонь, когда Иноичи показал ему странную карту. Йондайме Хокаге точно знал, кто это написал; не то, чтобы он рассказал своему другу. Ему действительно нужно было провести сдержанный, неловкий разговор как со своей дочерью, так и с Цунаде-химэ, ее наставницей. Хотя, возможно, он оставил бы это Кушине.

«Поздравляю с предположительно успешной репродукцией. Если ваш ребенок не был запланирован, я предлагаю откровенно поговорить с медицинским работником о противозачаточных средствах или половом акте. Помните, безопасный секс спасает жизни».

Как долго ей придется ждать, пока Какаши перестанет хватать Мемориальный камень?!

Ни тела Рин, ни Обито не были доставлены домой, так что это было единственное место, где ей приходилось их навещать. Там ей тоже нужно было навестить больше людей. Она отчаянно и судорожно вздохнула и поклонилась Какаши, который почувствовал ее присутствие.

Однако он не ушел. О нет: она чувствовала, что он был на дереве, которое было слишком близко, чтобы чувствовать себя комфортно.

Отказавшись от плана остаться наедине с духами своих друзей и тех, кто погиб, защищая ее, когда она была маленькой, она положила свой букет на камень рядом с несколькими другими. «Извините, это выглядит так безумно, но я думаю, что я правильно понял смысл, и вы знаете, как сильно я люблю красочные вещи. Могу поспорить, если бы большинство из вас были здесь, вы бы со мной согласились». Она почесала затылок: запечатанная вуаль гендзюцу, закрывавшая ее волосы, всегда беспокоила ее, изо дня в день. «Только не ты, Сая. Мне следовало бы положить туда черный цветок для тебя, да?» Она поморщилась, прежде чем закричать: «Я не могу этого сделать!»

Она повернулась к мальчику, шпионящему за ней. — Какаши-кун? Ты хотел о чём-то поговорить?

http://tl.rulate.ru/book/96211/3289466